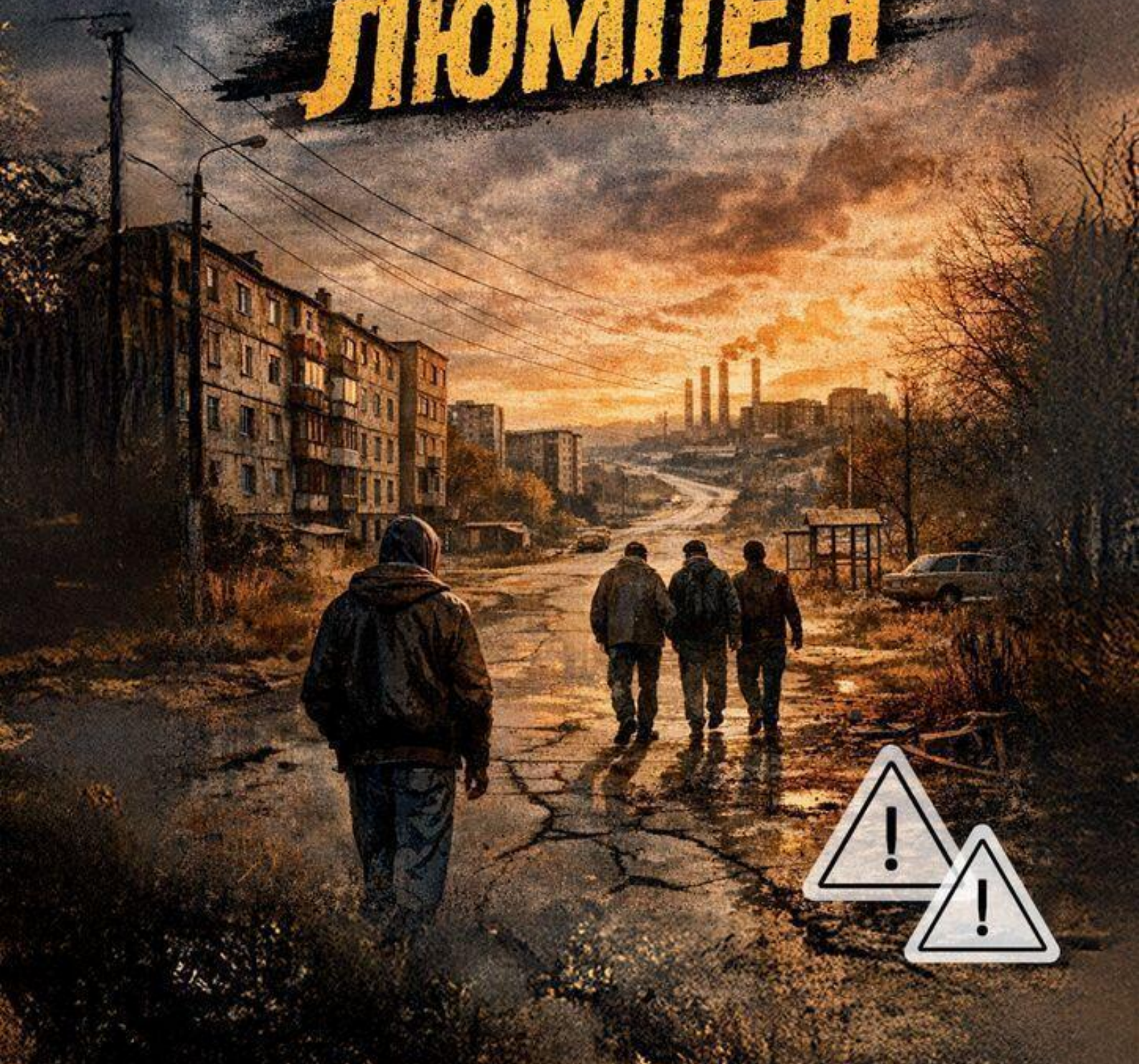

18+

Голышев Вячеслав Борисович

СЛАВКА — ЛЮМПЕН

Вячеслав Гольшев

Славка-люмпен

«Издательские решения»

Гольшев В. Б.

Славка-люмпен / В. Б. Гольшев — «Издательские решения»,

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.**Главный герой — мальчишка из самой низшей среды социального общества люмпен (бродяги, нищие, безработные, уголовные элементы), который растет среди уличных законов, дворовых кличек, жестоких игр и постоянной борьбы за выживание.«Славка-люмпен» — честная и жесткая история о людях, которых редко вспоминают: о пацанах из дворов, о солдатах, о женщинах, и о времени, которое не выбирают, но оно навсегда остается внутри.

© Гольшев В. Б.

© Издательские решения

Содержание

Аннотация	6
От автора	7
Славка-люмпен	8
От автора	9
Глава 1. Поселение	11
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Славка-люмпен

Вячеслав Борисович Гольшев

© Вячеслав Борисович Гольшев, 2026

ISBN 978-5-0069-8419-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аннотация

Автобиографический роман о взрослении в суровых дворах Сибири конца советской эпохи. Омск. Рабочие поселки, трехэтажные дома, пустыри, гаражи и дороги, уходящие к заводским трубам.

Главный герой — мальчишка из самой низшей среды социального общества люмпен (бродяги, нищие, безработные, уголовные элементы), который растет среди уличных законов, дворовых кличек, жестоких игр и постоянной борьбы за выживание. Дружба, предательство, первые чувства и тяжелые испытания формируют характер и определяют его дальнейшую судьбу.

«Славка-люмпен» — честная и жесткая история о людях, которых редко вспоминают: о пацанах из дворов, о солдатах, о женщинах и о времени, которое не выбирают, но оно навсегда остается внутри.

От автора

Эта книга написана на основе личных воспоминаний.

Я не стремился приукрасить прошлое — наоборот, мне хотелось передать атмосферу дворовой жизни такой, какой она была на самом деле.

Многие события и люди в этой книге имеют реальных прототипов. Некоторые имена изменены.

Я благодарен читателю за то, что он открыл книгу и готов пройти вместе со мной этот путь.

Славка-люмпен

Это не выдумка. Это жизнь, какая она есть, большинства живущих людей на просторах нашей необъятной родины.

Дворы, армия, драки, потери и люди, которые исчезают быстрее, чем появляются. Без прикрас, без морали, без красивых слов.

От автора

До конца не понимаю, что подтолкнуло меня на написание этой книги. Может, отчаяние или горе, которое нахлынуло на меня в тот период жизни. А может, нужно было написать о пацанах, о которых давно уже забыли и никто не вспомнит. О солдатах и их нелегкой армейской жизни. Или все же о женщинах, которых я любил и ценил дороже своей жизни. Я не мог не писать. Хотел, но не мог. Писал в перерывах между работой, в электричке, порой проезжая свою остановку, идя по улице, останавливаясь и продолжая набирать текст. Я не писатель и никогда ничего не писал. Не понимаю до сих пор, какая сила заставила меня сделать это, не давая покоя. И когда я закончил, ощутил невероятный душевный покой. Я уверен, что почти каждый человек увидит себя в этой книге, потому что любой переживал те или иные события в своей жизни, испытывал похожую боль и страдания в жестоком, беспощадном, но все же чрезвычайно интересном мире людей.

Глава 1. Поселение

*Времена не выбирают:
в них живут и умирают.*

Александр Кушнер

Наше поселение находилось в суровой по своим климатическим особенностям западно-сибирской части огромной страны. Километрах в десяти от города, который в прошлом был особым местом ссылки каторжан, расположился поселок со старыми двухэтажными домами, недавно построенными трехэтажками и прилегающим к нему частным сектором со своими сарайками и гаражами. А также там были живописные лесополосы, где мы, дети, проводили большую часть нашего летнего времени, купаясь в арыках, лазая по деревьям, собирая кислые ранетки.

Тогда я, маленький, и подумать не мог, что буду жить с женщиной, прадед-профессор которой создал в нашей стране систему лесополос.

Неподалеку от нашего селения протекала большая желто-коричневая река, на берегу которой находилась речная база. В поселок съехались те, кого сослали со всего западносибирского региона нашей страны. Общество получилось весьма разношерстное, большую часть которого составляли бывшие сидельцы (вышедшие из тюрьмы), немного интеллигентов-маргиналов (люди, не придерживающиеся принципов, принятых в обществе) и с десятков важных партийцев средней руки для управления этим своеобразным людом.

Начиная с моего рождения, жизнь складывалась как постоянная борьба за выживание. Необходимо было постараться, чтобы не покалечил пьяный отец в приступе белой горячки, не сделал инвалидом какой-нибудь дворовый отморозок в регулярных уличных драках, не разбиться на стройках многоквартирных домов, где мы часто лазили, играя в догонялки, а еще проныривали под речными корабликами на слабо.

Однажды, когда проплывали под такой вот железякой, внезапно на ней включился двигатель, и один из наших пацанов не вынырнул. Нашли его уже в другом месте далеко по течению, куда унесло тело. На спор преодолевали несколько метров лаза под землей, потолок которого должен вот-вот обвалиться. О, как щекотало в груди, ведь знал, что в любой момент мог оказаться заживо погребенным под глиняной массой.

И как бы я ни «старался» своими действиями расстаться со своей жизнью, что-то необъяснимое спасало меня, давая драгоценный опыт в познании этого сложного, беспредельного людского бытия.

У каждого живущего в нашем дворе была кличка.

Жаба — двенадцатилетний человек маленького роста с мерзким лицом и таким же характером. Постоянно всем задолжал деньги, банчил (торговал) травой и промышлял мелким воровством на местных рынках.

Мустафа — трусливый подросток, хитрый татарин, всегда старался быть в теме всех дворовых событий, проявляя активность, в особенности если кого-то били толпой.

Ламберт, он же Леопёрт, — тихий несовершеннолетний тип, стесняющийся воришка, всегда действовал исподтишка.

Кандыба — хромой старшак (пацан, старше кого-либо на 4 и более лет). Получил кличку за свою хромоту: сломал бедренную кость, прыгая с крыши.

Ляга — губастый двенадцатилетний паренек, не вынимавший сигарету изо рта.

Пуза — толстый пацан из параллельного класса. Раньше полнота была большой редкостью. Его папа работал вахтовиком на Крайнем Севере, привозил дефицитный товар и хорошо кормил единственного ребенка, с гордостью умиляясь его полнотой.

Когда Пуза пожирал на своем балконе первого этажа сгущенку, самое вкусное из всех лакомств в Советском Союзе, его маман, мощная женщина, охраняла его покой от надоедливых дворовых пацанов. Он же, в свою очередь, не обращая внимания на мольбы и скуления соседских попрошаек, демонстративно медленно облизывал свое столовое весло (ложку). Конечно, такая дерзость не оставалась без нашего внимания и после выхода на улицу он получал пару ударов от нас в свое салистое непробиваемое брюхо. В последующем он получил кличку Мать Моржиха, так как мог дольше всех купаться в холодной речке благодаря завидному на тот момент слою жира.

Комар — мой сверстник, получил кличку по своей фамилии. Вечно плаксивый нюня, в драке рыдал, кричал, но бился.

Наш предводитель Колян — самый «старый», семнадцатилетний, в нашей дворовой капелле. Слезно упротил, чтобы мы называли его Патрон.

И я, Славка. Кто называл Славян, а иногда Бабаджан. Так прозвал меня совершеннолетний Узбек, самый авторитетный в нашем поселке гопник, в будущем ставший моим лихим приятелем. В тридцатидевятилетнем возрасте был забит до смерти на сибирском тюремном этапе конвоиром.

Однажды он видел, как я с душераздирающим ревом пытался помешать старшкам-отморозкам заниматься одним из любимых ими развлечений — вешать кошек в подвале трехэтажки.

«Да ты, салабончик, прям святой отец! — говорил он смеясь. — Бабаджан будешь!»

Я легко мог пнуть сверстника или парнягу постарше ногой по лицу. Для меня это было в порядке вещей, но не мог вынести, как мучают кошек или собак. Меня пронзала дикая душевная боль от такого зрелища. Бросаясь в драку, с плачем заступаясь за животных, не раз получал от местных старшаков-садистов серию фофанов (ударов) по голове, зажатой между коленей. Мне повезло, что они были давно отчислены из школы и никогда не изучали химию. Однажды, поймав и таким же образом держа, они вылили на мою голову недавно украденную из школьной лаборатории кислоту. Каково же было их удивление, что мои волосы и кожа не облезли. Они ругались между собой о том, кто виноват в том, что взяли не те пузырьки. Я отделался лишь недельным химозным запахом волос.

В каждом дворе была своя бригада малочиков (лихих подростков), и мы почему-то думали, что этот двор принадлежит только нам: если ты здесь не живешь, не смеешь тут находиться. И конечно же, по любому поводу мерились силами с соседним поселением.

Как-то, лежа дома на кровати и смотря бесконечное «Лебединое озеро», так как больше нечего было смотреть по телевизору, услышал стук в дверь. Открыв ее, увидел на пороге соседа по кличке Жаба, который извещал всех о грядущих событиях поселковой жизни.

Жаба сказал: «Славян, завтра сбор у нашего подъезда. Собираемся группами и идем на битву. Старшаки сказали известить всех наших». Все наши — это те, кто умел махать кулаками и всегда держать рот на замке.

Я спросил: «Что за битва?»

Жаба ответил: «Завтра будем биться на границе наших поселений. Из соседнего поселка сходку забили, нас зачмырить (унизить) хотят. Старшие (совершеннолетние ребята, уже успевшие отсидеть в тюрьме небольшие сроки) велют ответить не по-детски. Разрешили палки взять, но только деревянные. Кто в теме, должен прийти. Не придешь, сам знаешь, что будет».

Я сказал: «Да понял я, понял. Буду».

Не прийти было нельзя: не по-пацански. Иначе загнобят, руки больше не пожмут: запрещено будет, станешь изгоем по жизни.

На другой день после полудня собрались большой группой, около сорока человек, разных возрастов до 18 лет. Одиннадцатилетний был только я. Мы выдвинулись к назначенному времени на границу наших поселений. Сибирское августовское солнце девяносто первого года жарило по-южному.

Мы не подозревали в тот момент, идя испытывать судьбу, что скоро не будет страны, в которой мы жили, не будет пионерских галстуков и школьной формы. Что белый царский адмирал, завоеватель Сибири, о котором нам рассказывали на школьных уроках истории как о враге нашей родины, будет памятно сиять из бронзы в центре нашего города как освободитель сибирского народа. Что снимут в классах портреты всеми нами горячо любимого лысого дедушки, смотревшего на нас все эти годы добрыми, подающими надежду глазами, который был для нас вождем светлого будущего и вдруг оказался, как писали СМИ, заграничным шпионом. Что вскоре в магазины хлынут всякие вкусности, о которых мы и мечтать не могли в нашем голодном детстве. И настанет радостный рассвет капитализма, который будет еще беспредельней, чем время, в котором мы жили. Сейчас даже не верится, что в конце восьмидесятых мы стояли возле магазина с утра до обеда в надежде, что сегодня привезут хлеб и каждому достанется по две булки на человека, получали сахар и муку по талонам, которые выдавали нашим родителям на работе. В продовольственном магазине на полках почему-то стояли только стеклянные трехлитровые банки с солеными арбузами. Такими были годы перестройки нашей великой страны. Не было практически ничего: ни продуктов, ни одежды. Выживали в поселке за счет своих мини-огородов, грядок возле панельных трехэтажек. Хорошо жили люди, имевшие корову. У них всегда были молоко, творог, сметана, которые могли еще и продавать соседям. Из развлечений, которые я безумно любил, — показ видеофильмов в сельском клубе на телевизоре «Кварц» с черно-белой трансляцией за один советский рубль. С открытыми ртами мы зырили (смотрели) с пацанами, как Брюс Ли, Чак Норрис и огромный Шварц мутозят (бьют) своих врагов.

Пацаны постарше находили себе другие развлечения: катали план с благоухающих шишек (верхушка растения) известной всем веселой травы. Варили из нее баху (травяной отвар на воде), вдыхали пары разной химозы, а кто собирал молочко с еще не раскрывшего свои красные лепестки, дурманящего разум и убивающего душу дьявольски красивого цветка.

Когда готовили для себя мощный деревянный дрын и нервно сжимали его в руках, чувствуя страх и предвкушение массовой драки, голова немного кружилась от возбуждения. Подойдя к месту, мы увидели такую же приближающуюся толпу отможенных соседских сельчан. Наши шаги ускорились, сердце просто выскакивало из груди, внутри нарастала какая-то звериная ярость. Перешли на бег. Все! В голове нет мыслей. Это уже был не я.

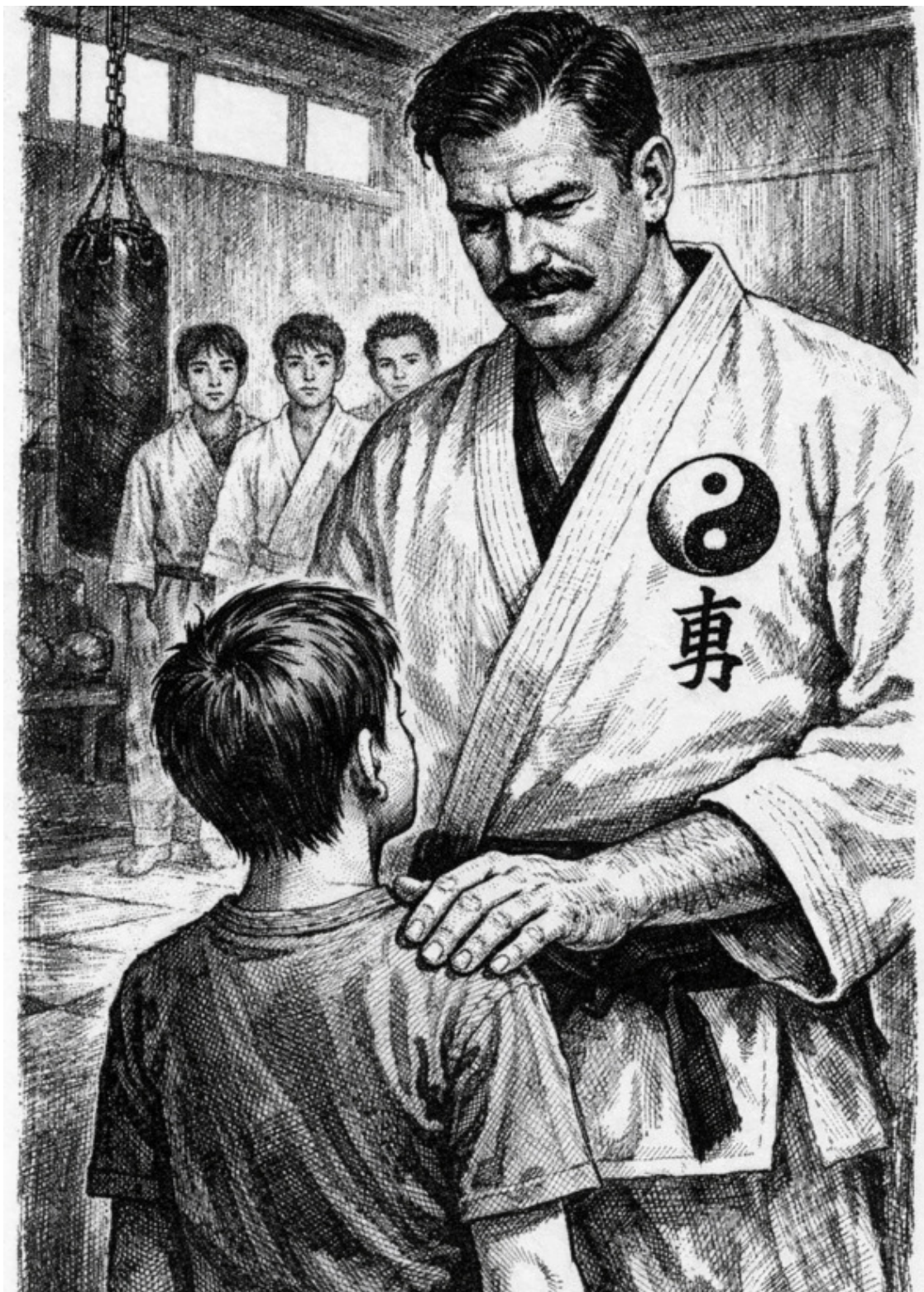
Массы врзались друг в друга с животной яростью, послышался стук деревянных палок, вопли, глухие удары кулаками. Кто-то кричал, кто-то плакал, но все делали свое дело, то, зачем сюда пришли. Я шел позади этого животного стада, в первых рядах были ребята постарше. Моя задача была не дать подняться тем, кто пытался встать с земли и продолжить участие. К моему сожалению, через пацанов первой шеренги ко мне прорвалась пара тел с обезумевшими от ярости глазами и кровавыми соплями, выбежав на меня лоб в лоб. Два парня чуть постарше меня готовы были растерзать мой организм. Один, замахнувшись железной ножкой от кровати, направил ее в мою голову. Реакция сработала мгновенно — я успел слегка отпрыгнуть в сторону. Металлическая труба пролетела в нескольких сантиметрах у моего уха и рассекла кожу на правом плече, оставив на нем памятный шрам. Я резко обернулся и ударил нападавшего в затылок своим массивным боевым предметом. От удара кожа на затылке треснула, оголив белый, как молоко, череп. С левой стороны в мою брюшину воткнулась нога второго. Я отлетел на несколько метров, валяясь, корчась от боли и жадно хватая пыльный воздух большими глотками, при этом группируясь и смотря по сторонам в ожидании следующего нападения. К моему счастью, все быстро закончилось, как и началось. В тот момент мне казалось, что все

это безобразие продолжалось необычайно долгое время, хотя вся заваруха длилась не больше минуты. Придя домой потрепанный, я сочинил историю для мамы, что упал на стройке, играя с пацанами в парашу.

В конце восьмидесятых годов в нашем поселке открылась секция карате. Я упросил маму давать мне 3 рубля в месяц, чтобы посещать ежемесячные тренировки три раза в неделю в школьном спортзале.

В самом начале девяностых милиция прикрыла наш клуб единоборств. Я очень страдал и переживал эту потерю. Тренировки были моей жизнью. Я обожал ощущение адреналина перед спаррингами, физическую боль, вкус крови во рту. Это испытание силы воли, когда стоишь на контосах (косточках сжатого кулака) до тех пор, пока не упадешь, оттого что просто мышцы отказали, и кричишь: «Осс! Ос! О-ос!» А эти ритуалы приветствия перед тренировкой!

«Сэнсэй — ни-рэй!» — говорил тренер, и все мы громко отвечали: «Рэй!» (Приветствие.) «Сэмпэй — ни-рэй!», «Сёмэн — ни-рэй», и мы опять: «Рэй!» И потом тренер громко: «Хадзимэ!» Все выпрыгивали из стойки на коленях со скрещенными сзади ступнями ног с криком, и начиналась тренировка.

Как-то раз тренер сказал: «Ребята, поприветствуйте этого паренька, я перевел его из младшей группы в старшую. Пусть тренируется с вами, а то там ему, думаю, уже неинтересно. Он занимается почти год и показывает хорошие результаты. У него нет достойного спарринг-партнера».

Кто-то из толпы выкрикнул: «Сэнсэй, ему же девять лет, а старшая группа с двенадцати. Он же тут плакать будет!» Это был Женя по кличке Кюпс. Тринадцатилетний пацан, полный

раздолбай с отсутствием какой-либо морали и принципов, высокий рыжеволосый чувак с длинной, свисающей набок челкой.

Тренер: «Ну вот давай и посмотрим на него. Подойди ко мне, Женя. Проведем между вами спарринг. Ребята, организуйте круг».

После двухнедельных тренировок у Кюпса это был первый бой.

Все старшаки от 12 до 18 лет по команде тренера быстренько расселись по кругу в предвкушении зрелища. Закусив губу, я намотал на свои кулаки эластичный бинт: боксерских перчаток у нас не было. Мы с Кюпсом вышли в круг и оба встали в боевую стойку.

Сэнсэй: «Деремся в полный контакт! Хадзимэ!»

Улыбающийся Жека, медленно подкрадываясь ко мне для нанесения удара, был немного, как мне показалось, расслаблен. Бац! Мой боковой удар в его левую щеку стер с его лица наглую улыбку, а прядь свисавших на правую сторону волос перемахнула на противоположную сторону. «Нет, так ему не идет», — подумал я. Бац! Левый боковой — и его челка легла в исходное положение. Пропустив пару ударов, Кюпс озлобился и начал наступать на меня, не попадая махая ногами, пытаясь достать ими корпус моего тела. Я ловко ушел от его нападения, пнув при этом его ногой в бедро. От ярости он прыгнул на меня, как пантера, и начал молотить по мне кулаками. Я немного наклонился вперед, закрыл кулаками голову, мои руки были плотно прижаты к груди. От нахлынувшего на меня адреналина почти не чувствовал боли. Я ждал момента. Зал ликовал. Его порыв быстро иссяк, он выдохся. Теперь моя очередь. Серия ударов в корпус его тела потоком хлынула на Жеку. Он закрывался как мог, но все же не сумел сдержать удары и повернулся ко мне спиной. «Ямэ (стоп, закончить)!» — крикнул тренер. В спарринге повернуться спиной к противнику означало поражение.

Всегда, глядя на тренера, представлял себе, что это мой отец. Сэнсэй был для нас всем: и другом, и отцом, и учителем.

Я с особым усилием, не жалея свой организм, выкладывался на тренировках, как будто боролся с ограничением выносливости и человеческой силы. Там я и познакомился со своим будущим корешем Вадей, старше меня на три года. Он был с черными волосами и карими глазами, с маленькой родинкой на левой щеке, которая придавала его лицу милый вид коварного демоненка. Если бы этот человек не стал моим закадычным другом, то он обязательно оказался бы моим врагом, рухнувшим на меня со спортивного каната, привязанного к потолку. Позже он по секрету признался мне, что свалился от наступившего у него блаженства, вызванного трением каната между ног, которое настигло его как раз у самого потолка спортзала. Любвеобильный кореш всегда желал «пристроить своего мерзавчика» во все, что шевелится и издает звуки. Поэтому, когда он выпившим подсаживался к кому-нибудь, дружелюбно клал руку на плечо и начинал разговоры за жизнь, нужно было не шевелиться и не издавать звуки. Этот бродяга и по сей день остается моим судьбоносным приятелем. Встав с меня, он любезно поблагодарил за свое мягкое приземление и удалился, я же лежал, плакал от боли в тот момент и мысленно материл его всеми словами из огромного запаса слов за свои прожитые на тот момент девять лет веселой жизни.

Ох, сколько раз я заползал домой на карачках, избитый в очередной уличной потасовке, весь в синяках и с запекшейся на лице и одежде кровью. Неоднократно и беспощадно, как и отец, калечил психику мамы, не понимая и не жалея ее, а в последующем вымаливал у нее за это прощения. Я рад, что не умер и не стал инвалидом от побоев пьяного отца, что не погиб и не особо сильно покалечился в регулярных драках с такими же уличными бродягами, как сам, ведь во время этих драк мы стреляли друг в друга из рогаток ранетками с деревьев, а иногда и алюминиевыми пулями из проволоки, сражались деревянными палками и многое другое. Если кому-то разбивали голову, выбивали глаз или что-нибудь ломали, никто никогда не жаловался на это и не привлекал родителей, милицию. Это было запаadlo (крайне стыдно, неприятно), и, если кто такой находился в стае подзаборников, его потом чмырили (унижали,

издевались) и помнили об этом всю его дальнейшую жизнь. Все мы были из неблагополучных семей. Меня никогда не покидали мысли и надежда на то, что когда-нибудь все же смогу выбраться из этого люмпенского слоя и жить другой жизнью. Не остаться здесь, в далекой глубинке, не спиться, не стать наркоманом. Быть другим. Быть лучше, добрее и даже, может быть, научиться играть на каком-нибудь музыкальном инструменте. И в будущем я научился играть на ударниках (барабанах) и даже иногда подрабатывал в вокально-инструментальном ансамбле под названием «Блок» при Доме культуры нашего поселения, позже в известной в нашем городе группе «Антиквариат».

В жизни я притягивал к себе людей с какими-то, как считаю, психическими отклонениями, возможно, потому, что и сам таковым являлся.

Мой приятель из параллельного класса Серега по кличке Серый жил в соседнем дворе. Безэмоциональный тип. Ругаться и драться с кем ни попадя было для него отдушиной. Обычный человек избегал конфликтов и драк, а он чувствовал себя в этом как рыба в воде. У него полностью отсутствовали чувства сострадания, любви, привязанности. В детстве, нападая с кулаками, он молотил меня с радостной злобой, но всегда получал хороший отпор. Страдая и рыдая от своей беспомощности, он уходил побитый, затаив очередную злобу на меня. И так продолжалось на протяжении всего нашего детства и начала юности. А в один прекрасный день он сам подошел ко мне и предложил стать его другом. В будущем судьба Сереги сложилась печально: он подсел на иглу (стал наркоманом) и из-за этого долго мотался по тюрьмам. В последний раз, когда я с ним встречался, он находился в городском туберкулезном диспансере. Лежа на кровати, этот тридцативосьмилетний зрелый мужчина был похож на умирающего старика. Когда я прощался с ним, он окликнул меня: «Славян! Мне в жизни никогда ни перед кем не было стыдно. А перед тобой мне стыдно за свою жизнь, за поступки, которые совершил. Ты ко мне не приходи сюда больше. Это тубик! Не хочу, чтобы ты заразил себя или своих детей».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.